

TERRA RASA



Виктор Лебедев

Terra Rasa

«Издательские решения»

Лебедев В. Р.

Terra Rasa / В. Р. Лебедев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934060-3

Сборник фантастики, диктующий уровень всему качеству современной прозы. Молодые, амбициозные, невероятно талантливые авторы предлагают вам погрузиться в свои уникальные миры, выбраться из которых невероятно сложно. Вы их полюбите.

ISBN 978-5-44-934060-3

© Лебедев В. Р.
© Издательские решения

Содержание

Анастасия Букреева	6
Ножницы	7
Terra Rasa	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Terra Rasa

Авторы: Ведёхин Алексей, Букреева Анна, Подымски Мишель, Нефёдов Никита, Безлюдный Владислав, Анакина Анна, Калюх Евгений, Лебедев Виктор, Ким Наталья, Морошко Сергей, Соколова Соня, Белоусова Екатерина

- © Алексей Ведёхин, 2018
- © Анна Букреева, 2018
- © Мишель Подымски, 2018
- © Никита Нефёдов, 2018
- © Владислав Безлюдный, 2018
- © Анна Анакина, 2018
- © Евгений Калюх, 2018
- © Виктор Лебедев, 2018
- © Наталья Ким, 2018
- © Сергей Морошко, 2018
- © Соня Соколова, 2018
- © Екатерина Белоусова, 2018

ISBN 978-5-4493-4060-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анастасия Букреева

Драматург и писатель, выпускник магистратуры Российского государственного института сценических искусств по направлению «Театральное искусство». Член Союза писателей Москвы, лауреат ряда драматургических конкурсов. Автор таких пьес, как «Про дождь», «Томми», «Чужой», «Связь», «Яблочный заяц», «Каспер Сьюзи», «Щенок на люке» и «Игнат».

– **Анастасия, расскажите о себе.**

– С детства мечтала стать писателем. Столкнувшись с реальным миром, поняла, что не зря. Мы – волшебники.

– **Хорошо, а что скажете о ваших текстах?**

– Сейчас занимаюсь, в основном, драматургией. Но прозаические тексты также пишу с удовольствием. В жизни все смешно и грустно, поэтому мне нравятся противоречивые ироничные и очень печальные истории, от которых хочется смеяться.

Ножницы

Детей я хотела непременно много, а также собаку, большой уютный дом, домашний кино-театр и мужа... Я была уверена, что стану идеальной матерью и всегда буду другом своему ребенку. Родители слишком мало общаются со своими детьми, их внимание и время пропадают в черной дыре работы и быта. Со мною, думала я, такого не произойдет.

Но прошло несколько лет, и выяснилось, что моя жизнь совсем не похожа на мечту. Мать-одиночка, живущая в однокомнатной квартире с маленьким сыном. Нервный, уставший родитель, причем очень далекий от идеала. Зато наемным работником я оказалась образцовым. Смахнув осколки мечтаний, словно пыль с тумбочки, просто по горло увязла в офисном болоте.

Сына назвала в честь Александра Великого. Спроецировала на него свое несбывшееся светлое будущее и тоскливо наблюдала, как исчезают мои материнские надежды. Шурик оказался вовсе не гением, а вполне обычным среднестатистическим лентяем. И, судя по всему, не очень смелым.

– Я очень-очень ленивый, наполовину жадный, очень умный и очень-очень хороший, – самокритично признавался он.

А еще он наотрез отказывался лезть в драки, слыл тихоней и не нравился сверстникам. Я же любила его всем сердцем и хотела, чтобы он был счастлив. А для этого, полагала я, необходимо много и упорно работать. Нам нужна была более просторная квартира. У ребенка должно быть собственное пространство. И машина, которую можно купить в кредит, решила бы столько проблем. «Хочешь денюжку?» – спрашивала я себя и, сжав зубы, шла на работу.

Кто-то очень нехороший ввел в моду вкалывать сутками в бешеном темпе и при этом считать такую жизнь нормальной. Я ее нормальной не считала. Мир взрослых километровыми шагами стремился к своему логическому завершению. Так гонщик на своем болиде развивает смертельную скорость и разбивается в расцвете лет.

Мы экономили буквально на всем, чтобы собрать необходимую сумму на новое жилье. Денег на няню не хватало, поэтому приходила она три раза в неделю, забирала Шурика из школы и до моего возвращения занималась с ним уроками. В остальные дни мне нужно было отпрашиваться с работы, отвозить сына домой, а затем снова мчаться в офис. Я все чаще стала возвращаться за полночь. Шурик воспринимал это болезненно. Он стал капризным, раздражительным, что было так на него не похоже.

– Мама, когда ты приедешь?

– Не могу сказать, бусинка. Ты же знаешь, я работаю. Это очень важно.

– Мама, тетя Света не придет сегодня? Почему она не придет? Лучше пусть придет.

– Я знаю, что лучше, родной. Но сегодня она никак не может прийти, – скрепя сердце отвечала я. – Почитай книжку, посмотри мультики. Не волнуйся. Я скоро приеду.

– Ты всегда так говоришь, но не приезжаешь...

Шурик тихонько заплакал. Я понимала это по неровному дыханию в трубке. Он усиленно сдерживал слезы, и от этого было еще тяжелее.

– Шурик, ты – мужчина, и я полагаюсь на тебя. Понимаешь? Если не на тебя, на кого мне еще положиться? – я решила немного схитрить. В книгах по детской педагогике такие формулировки считались наиболее выигранными.

– Я не хочу оставаться один.

– Малыш, но многие дети остаются одни. И ничего страшного не происходит.

– Мне не нравится тишина, – дрогнувшим голосом отвечал Шурик.

На самом деле ему было страшно, очень страшно. Он звонил мне на работу и лихорадочно начинал что-то рассказывать. Я не могла его остановить. А когда мне все же приходилось прерывать наш разговор, он звонил моей подруге или ее мужу и просто описывал все, что видел вокруг. В некоторых странах меня бы давно уже отдали под суд. Я оставляю своего маленького ребенка без присмотра, а это преступление. Только как же мне быть? Мои родители жили на другом конце страны, и отношения с ними были натянуты. У друзей свои заботы, на них рассчитывать не приходится.

Меня ведь тоже в детстве часто оставляли одну. Не помню никаких истерик или капризов со своей стороны. Никогда не любила вспоминать свое детство. Что было, то прошло. И хроническая усталость не позволяла думать о чем-то вообще. Однако очень скоро мне пришлось все вспомнить и глубоко задуматься.

Я вернулась домой в половине двенадцатого. Квартира была освещена, как новогодняя елка. И мне уже хотелось грубо упрекнуть сына за расточительность, но мое внимание привлекло нечто более интересное. В коридоре стояли две дырявые канистры с питьевой водой. Судя по всему, Александр Великий проткнул их каким-то острым предметом, и вода растеклась в разные стороны: в комнату и на кухню под плинтус.

– Шурик!

Две мысли вихрем пронеслись в сознании: не поранился ли он и как мне объясняться с соседями снизу.

Маленький негодник вскоре появился в проеме двери, бледный и несчастный.

– Шурик...

– Я не хотел, – с ходу заревел он.

– О Господи!

Накричать, поставить в угол, не давать мороженого целую неделю – что мне делать?

– Это протест, – с ходу сказала Линка.

– Это протест, – согласилась я. – Но против чего?

Линка – единственная душа, которая согласна слушать меня в любое время и по любому поводу. Она панически боится детей и очень любит говорить об их воспитании.

– Ты говорила с ним?

– Нет, он поревел немного и заснул. Со светом. Я не понимаю, чем он проколол канистры. Ножи все висят на месте. Шурик, конечно, мог залезть на табурет, снять нож, а потом повесить его обратно, но, пожалуй, это слишком.

– Может, ножницами?

– Они далеко лежат. Я проверила, все на месте.

– И что ты собираешься делать?

– Попробую взять часть работы на дом, – ответила я.

– С твоей работой не получится. Дорогуша, а ведь он только начал. Вот увидишь, Шурик поймет, как это действует на тебя, и все повторится снова. Дети похожи на щенков. Им нужна дрессировка.

– Моему сыну дрессировка не нужна. Не понимаю, почему он так трусит. Он нарисовал какого-то волосатого чудика в школе и сказал учительнице, что такой живет у нас дома. Она назвала его вруном. А Шурик расплакался, Линка... Ты же помнишь Шурика. Он никогда не был плаксой.

– А если это серьезно? У папы в роду были заболевания?

– Соображаешь, что говоришь? – разозлилась я. – Папа у нас, конечно, не очень, но нормальный. И Шурик нормальный.

– Слышит голоса, видит что-то... – продолжала Линка. – Вы бы к психологу сходили. Я же не говорю: к психиатру. Нечего наезжать на меня. Ты сама-то хороша...

Прежде чем как следует обозвать ее дурой, я задумалась. Линка, конечно, груба и неделикатна. Но это потому, что своих детей у нее нет. Ей не понять.

– Сколько ему лет?

– Восемь, – устало ответила я. – Он просто еще маленький, посмотрелся ужасов... Какая зараза могла ему показать? Я все каналы убрала, только про животных оставила и проигрыватель, чтобы мультики смотрел...

– «Доброе привидение Каспер» или «Охотники за привидениями»? Подожди, мамаша, давай мыслить разумно.

Мыслить разумно, по понятию Линки, значит несколько другое, чем у большинства нормальных людей. Временами она впадала в игриво-мистическое настроение и начинала нести откровенную чушь. Линку иной раз послушаешь и уверуешь, что Земля на самом деле плоская, как диск, и на ней стоят три гигантских слона, под которыми стонут страны третьего мира. Самый упитанный слон наверняка уселся на нашу. Я ждала, когда она выдвинет теорию, будто моя квартира – это портал между обителю живых и мертвых.

– Ты когда-нибудь слышала про третий глаз? – спросила Линка. – Способность видеть параллельную реальность?

– Третий глаз? Линка, ты с какой березы рухнула? Мне ты можешь извилины не пудрить. Что ты хочешь сказать?

– Ничего. Просто твой сын видит монстров. Ерунда какая, подумаешь...

В последний раз Шурик уверял меня, что в нашем туалете прячется чуть ли не Вий. Из самого темного угла комнаты вылезают существа, похожие на кикимор. А из унитаза может высунуться когтистая лапа и утащить его в канализацию. И мне даже пришлось несколько раз дежурить рядом с уборной и следить за тем, чтобы никто его не утащил.

Шурик утверждал, что весь прошлый вечер просидел под столом с церковной свечкой. Со свечкой он явно переборщил. На мой взгляд, все объяснялось просто. Ему было скучно сидеть дома одному и делать домашние задания. Он придумывал себе монстров, чтобы привлечь внимание. Даже к психологу ходить не надо. Только игра немного затянулась, и с этим нужно что-то делать.

– Знаешь, милая, сходи-ка ты куда-нибудь и отвлекись. Тебе полезно, – напоследок посоветовала Линка.

Пользы от Линкиной болтовни не было. Повесив трубку, я подошла к кровати сына. Шурик притворился, что спит: старательно зажмурил глаза и засопел в подушку.

– Ты не спишь, – сказала я.

– Мама, – зашептал Шурик, – а ты можешь уйти на другую работу?

– Ты же знаешь, мне нужно зарабатывать деньги. У нас пока нет выхода. Как мы будем жить? Нам нужно больше места. Кушать тебе надо? Одевать тебя надо? Подарки ты любишь? А если заболеешь? Помнишь, мы с тобой дом рисовали? Хочешь иметь свою комнату?

Шурик схватился за голову и, прикрыв лицо ладонями, отчаянно всхлипнул.

– Когда ты подрастешь, ты поймешь, как это важно.

– Да не важно! Ненавижу твою работу и тебя ненавижу, – закричал он и накрылся одеялом.

– А ну-ка повтори, что ты сказал! – опешила я.

Шурик, видимо, и сам не понял, что сказал, и очень испугался. Я была против любого насилия над ребенком, но от постоянного стресса и недосыпа нервы начинали сдавать. Раз с отцом нам так не повезло, значит, мне придется сыграть роль главы семейства. Линка считала, что без ремня в педагогике обойтись нельзя. Особенно, если речь идет о мальчике.

С ее жестким утверждением о мальчиках, которых нужно душить при рождении, я была категорически не согласна. Гораздо охотнее я бы придушила пару девочек. Они систематически издевались над моим чадом в классе. Потянувшись за ремнем, я замерла на месте. Со дня

рождения Шурика я поклялась никогда не поднимать на него руку. Что же сейчас произошло со мной?

Шурик вцепился в одеяло мертвой хваткой и в итоге вместе с ним оказался на полу. Я хотела обнять его, но он не понял и в любую секунду готов был зарыдать. На голубой простыне я заметила какой-то предмет и потянулась к нему. Это были большие старые ножницы, которые давно считались пропавшими. Как они оказались в кровати сына?

– Шурик, ты что, спишь с ножницами?

Шурик молчал.

– Это ими ты проткнул бутылки?

Шурик молчал.

– Александр, посмотри на меня, пожалуйста! Чтобы больше никогда не видела тебя с ножницами, ты меня понял? Надо будет для школы, попросишь меня.

– Я... ничего не делал, я... ничего не протыкал, – сбиваясь, захныкал Шурик.

– А кто же, по-твоему, это сделал? Чудовище из унитаза? Меня достали твои сказки. Не хочу больше их слушать, понятно? Не хочу больше слушать.

– Мамочка, почему ты не веришь мне?

– Потому что это чушь. Потому что ты все придумываешь, чтобы не оставаться одному. Ты мальчик, ты должен быть смелым.

«Какого черта, – тут же подумала я, – ничего он не должен».

В выходные мне позвонил старый приятель – выцветший призрак из прошлого. И, поддавшись уговорам, я позволила увести себя в какой-то неказистый ресторанчик. От двух бокалов вина неизвестного происхождения мир значительно похорошел. И хорошел он до тех пор, пока не раздался телефонный звонок.

– В чем дело, Шурик?

– Мама! Мама, куда ты положила ножницы?

– Никаких ножниц, Шурик! Немедленно ложись в кровать, ты меня слышишь?

– Мама, где ножницы?

– Иди спать. Я скоро приеду.

Мне показалось, у него стучат зубы от ужаса. Словно он находился не в теплой уютной квартире, а в самой преисподней. Я помню, что спрятала ножницы подальше в гардероб. Шурик не найдет их. Мое беспокойство необоснованно. Что с ним может случиться? Неужели он верит в чудовищ? Или вдруг он действительно видит? Почему я сама не помню своих страхов? Мне не хотелось больше думать об этом. Я работала как проклятая и имела право на личную жизнь хотя бы иногда. А Шурик – будущий мужчина, нельзя потакать его капризам.

Ресторан похож на склеп, где люди говорят полупрошепотом и не могут разглядеть содержимое своих тарелок. Я уже немного пьяна, и с непривычки действительность кажется мне слишком медленной, будто в специальном видео-режиме. Откинувшись на спинку стула, равнодушно наблюдаю, как официантка проливает кофе на белоснежную рубашку моего ухажера. Он страшно рассержен и ужасно боится выглядеть смешным. Зря боится, его уже ничего не спасет.

Чего боюсь я? Потерять Шурика. Ничего не может быть страшнее. Чего боится Шурик? А Шурик боится чудовищ, которые живут под кроватью и в канализации, а возможно, даже в кухонных шкафах. Он повзрослеет и перестанет бояться. Это дело времени, естественный процесс, незачем лезть в него. И Линка сама пусть ходит к психологу, мой ребенок – совершенно нормальный. Ему помощь не нужна, по крайней мере, не от врачей. Ему просто страшно, только и всего. Все дети боятся оставаться одни.

И точно ли я не помню своих страхов? Или просто боюсь о них вспоминать? Каждый ребенок проходит через это. Однажды наступает момент, когда родителей нет рядом. Пустая квартира, вечер. Шурик не мог жить без телевизора, он всегда работал, когда меня не было. Он

говорил, что телевизор отвлекает их. Отвлекает чудищ... Что еще отвлекало их? Ножницы... Они ведь были еще раньше. Лежали в моей кровати. Зачем я прятала ножницы? До сих пор чувствую холодную сталь лезвий, овальные ручки, выкрашенные в крокодиловый цвет. Огромные, тупые, надежные, на белой простыне под одеялом. Они защищали меня.

– Я сейчас вернусь! – буркнул пострадавший ухажер и уполз в уборную.

Конечно, пусть ползет отстирывать заляпанную распашонку. А я пока посижу на узком подоконнике в своей комнате, как в старые добрые времена. В отличие от Шурика у меня была своя комната, уютная, светлая, с кучей игрушек, разбросанных повсюду. В руках я держу книгу с картинками, пытаюсь читать, но это только для видимости. В доме никого нет, но Кузя, наш кот, все выслеживает кого-то. Носится по коридору, замирает, прячется, шипит и забивается под диван. Он сидит очень тихо, и мне начинает казаться, что он пропал и больше не вернется.

В окне можно увидеть людей, и вроде бы не так страшно коротать время в пустой квартире. Я прислушиваюсь к каждому звуку с улицы, чтобы не слышать навязчивые скрипы и приглушенное шипение. Чудовища бывают в страшных сказках, которых я не читаю. И здесь их не может быть. Папа говорит: их не может быть никогда. Наконец, я оставляю подоконник и решаюсь поиграть в родительской комнате. Боковым зрением я хорошо вижу темную глотку коридора. И как это ни странно, он совершенно пуст.

Только мне почему-то безумно тяжело повернуть к нему голову. И я делаю вид, что собираю конструктор, то и дело замирая от ужаса. Я строю дом из желтых, красных и зеленых пластмассовых кусочков. Руки не слушают меня. Домик получается грустным, неустойчивым. Ни одна кукла не стала бы в нем жить. Где мои ножницы? Куда папа их положил?

Я глубоко вздыхаю и почти верю в хороший конец. И вдруг из кухни доносится характерный шум выдвигаемого ящика. Я еще не знаю, что от ужаса можно поседеть, но догадываюсь о чем-то таком. Все мое существо от внутренностей до кончиков пальцев покрывается колючей коркой невыносимого страха. Опасаясь выдать свое присутствие, осторожно забираюсь на кровать и накрываюсь одеялом с головой. Рядом с подушкой лежит цветная керамическая тарелка.

Ее хорошо видно из моего убежища. Пошевелиться я не могу. Только в каком-то диком оцепенении наблюдаю, как на нее ложится черная уродливая рука с длинными пожелтевшими когтями. Зажмурив глаза, я молюсь о том, чтобы на тарелке ничего не было. Открываю глаза – рука не исчезла. И так я лежу два часа или три или даже четыре в одной застывшей позе и повторяю про себя, как мантру: «Придет серенький волчок и укусит за бочок...».

Я засыпаю, но, к несчастью, ненадолго. В первую секунду мне непонятно, где я нахожусь. Во время сна было жарко, я скинула одеяло, и теперь моя голова ничем не защищена. Чудовище могло добраться до нее. С полок щегинятся ободранные корешки книг. Свет от лампы окрашивает мир в тон пропавшего абрикоса. Рука больше не лежит на тарелке.

Я готова верить, что все это сон. Так скажут взрослые, а им по какой-то причине всегда следует верить. Но в прихожей что-то происходит. Кто-то царапает замочную скважину. В ледяной тишине позднего вечера сердце стучит с таким надрывом, словно напичкано взрывчаткой и вот-вот рванет. Мне кажется, я в кого-то превращаюсь. Перестаю узнавать свои пальцы, они тонкие и дряблые, как у курицы.

Придет серенький волчок...

Сжавшись в комок, я жду расплаты за то, что не была хорошей девочкой. Нечто липкое и темное касается моего плеча. Мне плохо до тошноты. В эту минуту я желаю только одного: быстрого и безболезненного исчезновения. Я больше не хочу быть. Но вот хлопает входная дверь, и я слышу мамины шаги. И бросаюсь к ней на шею так, будто не видела целую вечность. Она ведь даже не подозревает, что своим появлением спасла мне жизнь.

Шурик трубку не снимал. Длинные гудки били по вискам, током проходили по нервным окончаниям. Где он?! Уснул? Я спрятала все ножи и ножницы в гардероб. Шурик не сможет их найти... Мне стало дурно... Мой сын один дома, без ножниц, без ножей – безоружный.

Не попрощавшись, я выскочила из кафе, поймала такси и позвонила Линке. Я была не в себе. Мне срочно нужно было знать, помнит ли она что-нибудь подобное.

– Ну чего тебе надо? – сонным голосом отозвалась Линка. – Не помню я ничего такого, деточка. Ну, страшно было. А как же? Мне казалось, кто-то бродит по нашему чердаку.

– Ты его видела?

– Кого? – вздохнула Линка.

– Того, кто бродит. Линка, ты помнишь что-нибудь странное из детства? Напрягись...

– Да. Помню, прилетал Питер Пен. Или, может, это был Карлсон...

– Линка!

– Хорошо-хорошо. Странное? Ладно. Когда мне было лет пять, я видела Пушистика. Ну, я его так называла. Думала, крыса... только очень крупная и вся в длинной шерсти такой пушистой. Знаешь, если бы мои его увидели, прибили бы точно. Но они его не видели, вот в чем дело. Привиделось просто. Дети себе часто невидимых друзей создают. Чуть. Быстро прошло.

– Пушистик? Ты серьезно?

– А я почему знаю? В этом возрасте все сказки былью кажутся. Ты только представь, дети на новогодних утренниках ведь, правда, думают, что к ним Дед Мороз пришел.

– Вдруг он, правда, настоящий...

– Алло... Эй, мне приехать к тебе, эй?

Они думают, Дед Мороз настоящий. Они так думают. Как же это все влияет на них? На моего Шурика, на всех, кому меньше десяти? Дети не зря боятся оставаться одни. Говорят, они, как животные, видят больше, чем обычные люди.

Мне было трудно дышать. Казалось, тьма и воздух – это одно и то же. Из-за перепада напряжения выбило пробки. Я убеждала себя, что именно поэтому нет электричества. Дверь в комнату была закрыта. Возможно, Шурик, действительно, спал. Однако все попытки открыть дверь оказались тщетны. Ее кто-то держал изнутри.

– Шурик! Немедленно открой, слышишь? – не своим голосом закричала я. Шурик не отвечал. В комнате послышались возня и топот.

– Шурик!

– Я здесь!

Сын внезапно выскочил из темноты и крепко схватил меня за руку.

– Где ты был?

– В шкафу с кастрюлями.

– Если ты здесь, то кто же там? – тихо спросила я.

Шурик решительно потащил меня к выходу. Нет бы послушаться сына и уйти прочь, но мне хотелось знать, что происходит в моем доме, знать наверняка. Отстранив его, я снова навалилась на дверь, и она тут же распахнулась передо мной.

– Мама, не ходи туда! Мама! – завопил Шурик.

Что-то втолкнуло меня внутрь, и очнулась я уже на ковре среди остатков башни «Lego». Шурик отчаянно бился в закрытую дверь, а я боялась обернуться. Он вовсе не трус, если пытается спасти меня. Повернувшись на бок, я увидела ее, черную, длинную, с желтыми когтями. Она лежала так близко!

Теней вокруг становилось все больше. Я знаю, эти сущности рядом со мной. Стоит только повернуть голову – и я их увижу.

– Господи, только бы найти... – молилась я, вцепившись в свою сумку, как в единственную надежду на спасение. Там, на самом дне бокового кармана, во французском фирменном наборчике, лежало заветное оружие против ночных чудовищ.

– Вот! – зажмурившись от страха, я резко выставила вперед маленькие маникюрные ножнички.

Иногда от ужаса внутри бывает холодно и щекотно и можно реально почувствовать, какой громкой бывает тишина. В тот момент, когда мир замолкает, разрываются барабанные перепонки. От боли хочется свернуться клубком и закрыть все мягкие уязвимые места.

Мне показалось, прошла тысяча лет, прежде чем я пришла в себя. Шурик сидел рядом и гладил меня по голове. Руки мои дрожали, и душа все еще желала удрать из перепуганного тела. Господи, как это могло случиться со мной? Ведь того, во что не веришь, не бывает. Это закон... Сквозь плотно задернутые занавески пробивались равнодушные лучи нового дня. Наверно, где-то прокричали петухи, и вся нечисть по традиции отправилась в ад.

Через месяц мы переехали на другой конец страны, где скучной счастливой жизнью жили мои родственники и старинные друзья. «Здесь тоже люди живут, мама. Поверь, нам будет хорошо», – сказал Шурик, когда мы переступили порог ветхого одноэтажного домика на окраине.

И я ему поверила. Большие крысиные бега для меня закончились. Огромный город с колоссальными возможностями, люто ненавидящий живущих в нем людей, остался далеко позади, так же как и ночные чудовища Шурика. Того, во что мы не верим, не существует. Таков закон. Но иногда он не работает. Дети точно знают это, а взрослые всегда требуют доказательств.

Terra Rasa

Поезд мчался с такой бешеной скоростью, что мне периодически закладывало уши. Воронез мы проехали за пару минут. Вернее, то, что от него осталось. На том месте, где разливалась река, зиял пустой котлован. Огонь наелся человечины и отступил на время.

Раньше, когда поезда ходили медленнее, я любил смотреть в окно на деревушки и домики с желтыми окнами, леса и поля. Банально до тошноты, но все же Родина моя. Особенно мне нравилась дорога у подножия гор, по которой к морю и обратно носились адлерские поезда. Теперь не было ни дороги, ни Адлера. А иногда казалось, что и гор больше нет.

Несмотря на кондиционеры, хотелось раздеться до неприличия. В депо вагоны покрывали специальным «антипригарным» раствором. Но этого было недостаточно. Поэтому из специальных резервуаров их поливали водой, непригодной для питья.

Купе должны были укомплектовать полностью, однако в вагоне оказалось много свободных мест. Напротив меня сидела бабулька с внучкой. Рядом толстяк в галстуке и рубашке с длинным рукавом. Потную физиономию его я помню. В телевизоре светила неоднократно и по разным поводам. Бабка сидела нервная. И священник наверху – мрачный, как последний прогноз синоптиков. К вечеру он стал петь псалмы.

У бабки было такое лицо, будто сейчас возьмет и достанет из корзинки жареную курочку, вареные яйца и свежий огурец. Я чуть было слюной не подавился от этих мыслей. Но та, к счастью, сидела спокойно и ничего доставать не собиралась. Не знаю, что бы со мной было, если бы достала.

– Вы едете в Мурманск? – спросила она так, как будто были другие варианты.

– Да, к заливу.

Оттуда все суда сейчас шли к полюсу. И она, конечно, знала об этом. Вопрос заключался лишь в том, как туда попасть. Люди не думали о еде или крыше над головой. Главное, что они будут пить. А там снег, там лед... А значит, спасение. Да вот только кораблей в заливе почти не осталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.